

Медведева Т. Д.
бакалавр исторических наук
Институт истории СПбГУ
Кафедра «Истории западноевропейской и русской культуры»
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

ТРАДИЦИИ ЛИВОНСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ В XVI-XVII ВВ.

Аннотация: В статье рассмотрены основные тенденции ливонского историописания в XVI-XVII вв. В центре внимания генеалогическая конструкция, преобладавшая в европейском историописании раннего Нового времени, ее отражение в историописании Ливонии на примере Прусской хроники XVI в. Немаловажным фактом является отражение процесса христианизации в исторических сочинениях XVI-XVII вв. Отмечаются изменения в восприятии хронистами раннего Нового времени идеи единения Ливонских земель, которая ранее была связана с христианским началом данной территории.

Ключевые слова: раннее Новое время, Ливония, Эстляндия, ливонское историописание, хроника, христианизация.

Abstract: The article describes the main trends of Livonian historiography in the XVI-XVII centuries. The genealogical construction that prevailed in the European historiography of early Modern history, its reflection in the historiography of Livonia on the example of the Prussian chronicles of the 16th century, are in the center of attention. An important fact is the reflection of the process of Christianization in historical writings of the XVI-XVII centuries. Changes in the perception by chroniclers of the early Modern history of the idea of the unity of the Livonian lands,

which was previously associated with the Christian principle of this territory, are noted.

Keywords: *early Modern history, Livonia, Estland, Livonian historiography, chronicle, Christianization.*

Для исторических реалий XVII в. во многом был характерен подъем национального историописания [3, С. 38]. В Новое время, начиная с XV в., одно из центральных значений имел гносеологический подход, проявлявшийся во все нарастающем интересе к генеалогии. Возросший интерес к античности повлиял на стремление отождествлять себя с этносами, которые упоминаются античными историками (в прочем, удревнение истории было, во многом, наследием Средних веков). В эту эпоху генеалогические исследования ставятся в контекст основного изучения вопросов происхождения, которые описывались как характерные для гуманизма [3, С. 38-39].

Генеалогическое знание Нового времени, предполагает особую преемственность между субъектом и предком, которая превосходит исторические процессы и изменения [3, С. 38-39]. Исследователи полагали, что на основании родовых связей можно не только постичь прошлое, но и делать выводы о настоящем [3, С. 38-39].

Поиск истоков связан не столько с прошлым, сколько с настоящим. Генеалогические исследования должны объяснять причины и сущности, они должны пояснить, каким был мир и каким он должен быть [5, С. 19].

Тем не менее, утверждение о вневременной преемственности вовсе не означает, что мышление Нового времени категорически отвергало концепцию исторических изменений [3, С. 40].

В качестве прототипа генеалогических конструкций, появившихся в Новое время, можно принять средневековые гипотезы, обосновывавшие, происхождение династий и империй от троянских героев [3, С. 45]. В начале XVI в.

они потеряли свою актуальность, хотя время от времени к ним все же обращались.

Одним из ранних примеров, считается теория, сформулированная в начале XV в. в Тоскане и утверждавшая происхождение тосканского населения от этрусков. Впоследствии в других странах Европы так же занялись поиском «подходящих» предков: в Священной Римской Империи это были германцы, во Франции – галлы и франки, в Англии – англосаксы или кельты, в Испании – готы, в Польше – сарматы [3, С. 46].

Расцвет «коллективных генеалогий» в раннее Новое время, можно проследить вплоть до процессов социальной и политической дифференциаций. Распад основных систем правления Средневековья, в которой власть делилась между императорством и папством, привел к умножению политических фигур, влиявших на те или иные события в истории Европы и мира [1, С. 48]. Прошлое отдельных империй, династий, регионов теперь отвечало индивидуальным желаниям человека или государства, становясь при этом подчиненным компонентом всеобщей истории.

Эта тенденция продолжала развиваться в XVI и XVII вв., вытесняя традицию универсального историописания, которое получило подчиненную функцию, направленную на контекстуализацию локальных традиций [3, С. 47].

В привилегиях, даруемых генеалогической «законностью», нуждались монархи, дворянство, знать и бюргерство. Исследования сталкивались с многочисленными вариантами генеалогического удревнения в раннее Новое время: спектр варьируется от индивидуальных генеалогий (семьи, рода), до коллективных проектов, которые, как например античный и средневековый тексты «*origo gentis*», объясняют происхождение целых народов и больших этнических групп [3, С. 47].

Таким образом, историографическая тенденция к генеалогическому удревнению в раннее Новое время становится общеевропейским феноменом.

Крупные исторические сочинения становятся зависимыми от политической обстановки. Генеалогическое знание предоставляет возможность легимитизировать власть, подтвердить преемственность прав определенных социальных или этнических групп и обосновать определенные исторические изменения. Безусловно, это наносило определенный отпечаток на достоверность информации, отраженной в таких сочинениях.

В Прибалтийском регионе в XVI-XVII вв. историописание развивалось в схожем направлении. Немецко-балтийская историография раннего Нового времени стремилась аргументированно поддержать свои собственные политические позиции.

Область, именуемая в исторических сочинениях Ливонией, имеет довольно обширную историю, в рамках которой эта территория управлялась различными политическими силами, что, безусловно, повлияло на ливонское историописание, зачастую менявшееся в зависимости от исторического контекста. С середины XVI в. Ливония была разделена на области, подвластные польским, а затем шведским и датским правителям.

На примере рукописи *Preussischen Chronicken von dem Jar 1200* [10], написанной во второй половине XVI в. и хранящейся в отделе Рукописей Берлинской Государственной библиотеки, а также ее печатного варианта – *Kurtzer Außzug der Preussischen Chronicken von dem Jar 1200* [2], изданного в 1566 г. – можно проследить тяготение немецко-балтийской историографии к генеалогическому историописанию.

Прусская Хроника представляет собой иллюстрацию зависимости исторического контекста от геополитической обстановки и следования общеевропейским тенденциям. Первое проявляется в явно выраженном пропольском характере хроники, одновременно с этим в тексте присутствует отождествление населения Ливонии не с сарматами, в соответствии с господствовавшей

среди польской шляхты теорией сарматизма, а с древней народностью пруссов. Тем не менее, автор стремится вписать прусскую историю в рамки сарматизма.

Автор Прусской хроники ставит историописание Польши практически на одном уровне с описанием событий в Пруссии, считая его важным и связывая события в польских землях с событиями прусской истории. Таким образом, автор сочинения преподносит происхождение от пруссов, возведение к ним истории Ливонских земель, в контексте существования данной народности на территориях, принадлежащих в раннее Новое время Польскому королевству. Такая генеалогия, в свою очередь, должна была косвенно подтверждать права польской короны на Ливонию, население которой происходило от пруссов.

Значимую роль в истории Ливонии играло христианство. Выражалось это не только в христианизации, но и, как следствие, в том, что идея единения ливонских земель неразрывно была связана с религией. Ливония была христианизирована в результате северных крестовых походов. Это нашло отражение и в историописании Ливонии, однако в раннее Новое время, когда авторы тяготели не к достоверности исторических событий, а к утверждению и подтверждению политических позиций тех или иных правителей, процесс христианизации Ливонии стал одним из весомых политических аргументов [6, С. 43-44].

Поскольку в раннее Новое время территории Ливонии принадлежали одновременно польским, шведским, датским, а впоследствии и русским правителям, они и служили опорными точками в соответствующем субрегионе Ливонии. Однако идея единения, связанная со всей областью Ливонии, основывалась одновременно с этим на христианском начале данных территорий.

В Средневековье ливонские территории упоминаются под названием «Terra Mariana», что связано со временем начала крестовых походов [11, С. 368]. Необходимость сакрализовать ливонские земли стала одной из основных

проблем данного периода. Данный процесс в Ливонии шел двумя параллельными путями. Во-первых, создавалось представление об этих землях как о «земле обетованной» или «Уделе Христа», а, с другой стороны, что не менее важно, культивировалось представление о Ливонии как об «уделе Девы Марии» [11, С. 368]. Таким образом, эти земли практически приравнивались в христианском мире к Святой Земле [11, С. 368].

В связи с этим можно утверждать, что процесс христианизации сумел обеспечить необходимый потенциал, чтобы охватить исторически все части разрозненной Ливонии.

На вторую половину XVI в. выпадает создание важнейших сочинений ливонской историографии, куда входят хроники таких авторов, как Бальтазар Рюссов, Иоганн Реннер, Соломон Хеннинг и Лаврентий Мюллер.

Для ливонских летописцев и хронистов раннего Нового времени XII в. и первая половина XIII в. были периодом, когда Ливония благодаря христианизации возникла как единое целое. Тот факт, что Ливония никогда не была единой политической территорией в Средние века и в течение раннего Нового времени и всегда была разделена между различными правителями, не играет никакой роли в этом контексте. Несмотря на политическую раздробленность, Ливония всегда рассматривалась как унитарная единица [6, С. 48], политическое и культурное пространство, появившееся после 1200 г.

Так, например, лютеранский пастор Бальтазар Рюссов в своей работе придает большое значение процессу христианизации. В первой главе Рюссов, после краткого происхождения названия «Ливония» сообщает своим читателям о начале христианизации [9]. Эта часть заканчивается включением Ордена меченосцев в Тевтонский Орден. Христианизация знаменует собой начало исторического повествования [6, С. 48].

Бальтазар Рюссов положительно оценивал немецкую христианизацию и культурный прогресс, который она принесла в Ливонию, таким образом легитимизовав его. Дальнейшее разделение Ливонии на датскую, шведскую и

польско-литовскую части, которое было вызвано Ливонской войной (1558-1583), было им истолковано как результат божественного наказания за пренебрежение немецким правящим классом. В дополнение к легитимности правления немцев, Руссов также ссылался на христианство как обязанность правителей [6, С. 48-50].

Тем не менее, в историописании Ливонии так же существует совершенно противоположная концепция, не рассматривающая ливонские территории как единое целое, которое исторически оказалось разделено на субъекты, подчиненные различным государствам. Такая «уравновешивающая тенденция» наблюдается в хронике Ливонии Густава фон Лоде [6, С. 56], известной также как Хроника Лоде-Вернера.

Густав фон Лоде находился сначала в должности секретаря эстляндского рыцарства [6, С. 56], а затем стал верховным судьей Эстляндии [7, С. 273]. Свою работу он создавал во второй половине XVII века, когда Эстляндия и Латвия были отдельными политическими субъектами, подчиненными Шведскому королевству. В своих рассуждениях о самобытности и независимости Эстляндских территорий он так же опирался на процесс христианизации [6, С. 57]. Лоде выразил возмущение тем фактом, что было принято использовать общее название «Ливония» для различных политических подразделений, и дал обоснования для своего взгляда. Он процитировал традиционную независимость эстов, поскольку Эстляндия была независимым царством до и после рождения Христа. Следующая аргументация касается христианизации: Эстляндия была христианизирована на 118 лет раньше, чем латвийская Ливония. В последнем аргументе он опирался на сообщение из краткой летописи секретаря эстонского рыцарства М. Брандиса, записанной после 1600 года, в которой он рассказывал о монастыре, основанном датским королем в XI веке [6, С. 57].

Тем не менее, датировка Брандиса и утверждение, что эстляндские земли принадлежали Дании уже в XI веке, с 1080 г., являются не совсем верными,

поскольку датчане появляются в Эстляндии только в конце XII в. Сложно сказать, знал ли об этой неточности Густав фон Лоде, однако предоставленная Брандисом информация вписывалась в концепцию исторической разрозненности ливонских территорий и самобытности Эстляндии. Кроме того, Лоде утверждал, что епископ Мейнхард получил разрешение на строительство первой христианской церкви на этих территориях у датской короны, возложив тем самым всю политическую ответственность на датского короля. Вероятно, можно утверждать, что это был последовательный вывод на основе неверной информации о месте Эстляндии в составе Датского королевства.

Важно отметить, что Хроника Морица Брандиса была напечатана Паукером [8, С. 367] лишь в 1842 г. в «*Monumenta Livoniae antiquae*» [4]. Исходя из этого можно сделать вывод, что Густав фон Лоде мог работать лишь с рукописным вариантом хроники.

До сих пор остается неясным, использовал ли Густав фон Лоде хронику Брандиса в качестве одного из основных источников, имея представление об исторических неточностях и используя неточную информацию в подтверждение своей концепции об изначальной политической раздробленности Ливонии и идентификации Эстляндии, как отдельного политического субъекта. Представляется вероятным, что, поскольку видение христианизации Ливонии Брандисом вписывалось в представления Густава фон Лоде об истории Ливонии, для его сочинения историческая достоверность не играла значимой роли.

Национальное историописание в Ливонии в XVI-XVII вв. продолжило общеевропейскую традицию к историческому удревнению и генеалогическому историописанию, при этом в XVI в. влияние на него оказывал польский сарматизм, популярный на ливонских территориях в данный период в связи с особенностями геополитической обстановки.

В XVII в. Ливония перестает восприниматься хронистами как унитарная единица. Христианское начало данных территорий уже не является основой для идеи единения Ливонии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Assmann A., Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses, München, 1999.
2. Biblioteka Narodowa, SD XVI.Qu.1706 Chronica Kurtzer Auszug der Preussischen Chronicken. Daubmann, Jan. Królewiec, 1566.
3. Donecker C., Origines Livonorum Frühneuzeitliche Hypothesen zur Herkunft der Esten und Letten (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte, 25), Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 2017.
4. Dr. C. J. A. Pauker. Monumenta Livoniae antiquae. Bd.3. Riga und Leipzig, 1842.
5. Geary Patrick J., Am Anfang waren die Frauen. Ursprungsmythen von den Amazonen bis zur Jungfrau Maria., München, 2006.
6. Hormuth D. Die Christianisierung als politisches Argument in der Livländischen Publizistik der Frühen Neuzeit // Zapiski Historyczne 76, 2011. S. 38-45.
7. Ramsays J. Frälsesläkter i Finland intill stora ofreden // E. d. [Электронный ресурс] URL: <http://runeberg.org/frfinl/0286.html> (дата обращения 21.06.2019)
8. Reyscher A. L., Wilda W. E. Zeitschrift für deutsches Recht und deutsche Rechtswissenschaft. Bd. 8. Leipzig, 1843.
9. Rüssow B. Chronica der Prouintz Lyfflandt Scriptorum rerum Livonicarum. Riga und Leipzig, 1846. Bd 2. . S. 1 – 195.
10. Staatsbibliothek zu Berlin Fol. 629. Preussischen Chronicken von dem Jar 1200
11. Вебер Д. И. Культ и иконография Девы Марии в Ливонии. К вопросу о генезисе // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 7. С. 367-373.